

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА ГЛАЗАМИ БАЛТИЙСКИХ НЕМЦЕВ

В.А. Талерко

Прежде всего, необходимо уточнить, что под балтийскими немцами в современной исторической науке понимают потомков немцев, пришедших вместе с крестоносцами Ливонского ордена в 13 веке на территорию сегодняшних Балтийских государств. Государство германского ордена существовало до 16 века, затем долгое время Балтия находилась под влиянием других, соседних государств (Польско-литовское княжество, Швеция, Дания, Россия). Не смотря на это, немецкому рыцарству удалось сохранить свои первоначальные привилегии. Балтийские немцы могли заниматься политикой, занимать высокие армейские посты и быть владельцами крупных имений и земельных наделов. В основном, это были представители бюргерства в городах, духовенство и дворяне со своими крупными земельными владениями. Так как большая часть Балтии с 1821 года принадлежала Российской империи, сведения о балтийских немцах можно найти в переписи населения России за 1897 год, т.е. всего за два десятилетия до начала первой мировой войны. В Прибалтийских провинциях проживало 165.627 человек, указавших немецкий язык в качестве родного. На территории сегодняшней Латвии насчитывалось тогда около 2 миллионов человек [1, с. 23]. Надо сказать, что по отношению к другим этническим группам на территории Балтии немцы никогда не превышали 10% от всего местного населения [2, с. 259]. О том, какой катастрофой для балтийских немцев, да и всего населения Латвии оказалась первая мировая война, можно судить по данным о населении за 1914 год, в котором в Латвии насчитывалось 2.552.000 человек. Во время первой мировой войны Латвия потеряла 750.000, большую часть этих потерь составили именно балтийские немцы.

В Российской империи немцы занимали высокие позиции, были политиками и чиновниками, врачами и инженерами, офицерами и профессорами. Многочисленные пасторы, учителя, врачи, инженеры, торговцы разного уровня жили на территории всей Российской империи. Под их руководством строились школы, университеты, театры, фабрики и заводы.

Надо уточнить, что в редких воспоминаниях балтийских немцев, в их дневниковых заметках, а так же в немногих произведениях фиктивной литературы можно найти упоминание событий первой мировой войны. Их детальное описание, а так же описание действий, чувств и мыслей самих балтийских немцев практически отсутствует. Если для латышского народа отказ от осмысления событий первой мировой войны компенсировался эмоциональной составляющей, имеющей определённые, достаточно узко понимаемые задачи (об этом подробнее в статье Т. И. Кузнецовой «Мировая война в юбилейных изданиях Латвии (20-30ые годы XX века)»), то для балтийских немцев это замалчивание связано, прежде всего, с глубокой трагедией как личного, так и общественного характера. Для латышей, как показано в статье Т. И. Кузнецовой, было не важно, кто конкретно понимался под определением «немцы», т.к. в них латышский народ видел угнетателей, завоевателей и общего врага.

Данная статья построена на автобиографии «красного графа» Александра Штенбока-Фермора, в которой он обозначает некоторые события первой мировой войны, затронувшие его личную судьбу, а так же судьбу его родных и близких. Некоторые наблюдения «красного графа» дополняются воспоминаниями и комментариями других балтийских немцев, которые оказались в моём (В. Т.) распоряжении.

Коротко об авторе автобиографии: Александр Штенбок-Фермор, потомок балтийского дворянства шведско-немецкого происхождения, сын крупного землевладельца, состоявшего долгое время на военной службе Александра II, Александра III и Николая II. Мать - урождённая графиня Кропоткина [3, с. 228].

Автобиография Александра Штенбока-Фермора, не лишённая литературной ценности, показывает процесс стремительного взросления 14-летнего мальчика, постепенного осознания им ужаса мировой катастрофы, в жерновах которой он оказался.

Начиная с мимолётного описания военной техники и скопления живой силы, случайно в детской полудрёме увиденной на одной из немецких станций летом 1914 года, читатель всё больше и больше вместе с ещё несовершеннолетним повествователем погружается в неотвратимость большой войны. Этому служат неоднократные упоминания разговоров между взрослыми в семье Александра [4, с. 28, с. 30, с. 37, с.40], их волнение, многочасовые споры, бессонные ночи, во время которых сон бежит из-за отрывочных беспокойных мыслей.

Вторым фактором, усиливающим ощущение надвигающейся трагедии, являются разговоры Александра с отцом, который не верил в то, что в высокоразвитой цивилизации, к которой отец относил Германию, Австрию и Россию, возможна война, в результате которой возможно падение кайзера и королей, миллионы убитых и раненых [4, с. 30]. Без сомнения, это мнение было характерно для многих образованных балтийских немцев, находящихся на государственной службе в Российской империи.

Подросток мало интересуется подобными темами, но понятно желание отца выговориться, найти хотя бы в малолетнем сыне опору своим сомнениям и беспокойству. Подросток думает в это время о том, что он любит родной дом в Риге и не хочет ехать в Германию, куда его хотели отправить родители для продолжения образования. Поэтому понятна его детская радость в день объявления войны 1 августа 1914 года: в военное время он точно не поедет из-за войны с Россией. Он передаёт общее возбуждение, охватившее его знакомых и просто прохожих на улице, повествуя о начале военных приготовлений, об организации первого лазарета в стенах его школы. Романтический налёт героизма, шальной бравады исчезает с изменением ландшафта вокруг родового имения. Весной 1915 года Курляндия стала местом военных действий, приближение фронта внушало ощущение неуверенности в завтрашнем дне, заставляло думать о пропитании и собственной безопасности. Семья знала и видела огромное количество раненых, беженцев, ещё пока далёкие бомбардировки из цеппелинов, слышала разрывы и выстрелы. О военных событиях можно было ещё прочитать в газетах на немецком, русском, английском и французском языках, среди прочих упоминаются газеты „Rigasche Zeitung“, „Rigasche Rundschau“ [4, с. 34]. Удивительно, но первые немецкие пленные вызывают лишь мимолётное любопытство.

Александр со своими друзьями с увлечением играет дома в войну, строит баррикады. Вскользь упоминается о том, что родители во время этих игр старались уйти из дома, понимая, насколько страшна проекция игры на реальную жизнь. Вместе с домашним учителем, так же романтически настроенным молодым человеком, подростки отправлялись практически на линию фронта «посмотреть», т.к. фронт находился всего в 15 км от Риги, а воюющие стороны придерживались достаточно длительного негласного перемирия. Как это обычно и бывает, все игры и досужее любопытство заканчиваются при встрече с реальной, близкой смертью. Надо сказать, что взорванная прямо перед глазами телега с людьми, потом самоубийство верного слуги из страха перед грядущей мобилизацией заставили молодых людей более пристально вглядываться в события вокруг них.

Именно в этот момент впервые появляются размышления о двойственном положении балтийских немцев в Риге и в России в целом. Реальная школа, в которой был вынужден учиться Александр, вместе с неизбежной социализацией привела и к новому взгляду на окружающий мир, оказавшийся намного шире и сложнее, чем семейно-родственный круг. От своих одноклассников он узнал, например, что далеко не все отцы, как его собственный отец и многочисленные родственники, являются сторонниками Российской империи, и что многие желают победы Германии. Особенно это желание обострилось во

время ужесточения политики русификации, проявившееся в ликвидации немецких союзов и объединений, в запрете говорить по-немецки даже на улицах. На всех табличках с названием улиц были закрашены названия на немецком языке. Всё это оказывало раздражающее воздействие, тем более, что многие балтийские немцы воевали в российской армии. Это внутреннее противоречие нашло и внешнее выражение: в одном из домашних эпизодов офицеры в российской форме спорят на немецком языке [4, с. 37]. Один из ведущих историков, занимавшихся балтийскими немцами, сам по происхождению балтийский немец, Георг фон Раух, дополняет эту детскую картину взрослыми наблюдениями, о чём школьник мог и не знать: по подозрению в инакомыслию балтийских немцев арестовывали, держали в тюрьме, ссылали в Сибирь.

Прямое указание на двойственность положения балтийских немцев можно найти и в воспоминаниях Эберхарда Гундалина, бывшего учителя, спланировавшего свою личную жизнь и достаток на 25 лет вперёд. По его словам, чувство долга постоянно напоминало ему о том, что он является русским гражданином и служащим. Но внутренний голос разговаривал с ним по-немецки, напоминая о внутренней связи с Германией [5, с. 45]. Баронесса Вера фон Засс указала в своих воспоминаниях и на другую сторону этой трагедии: Те молодые люди, которые учились в Германии в немецких университетах, остались в рейхе и боролись на немецкой стороне. Практически каждая семья оказалась перед выбором своей политической и гражданской позиции [6, с. 26]. Леонард Хелмзинг пишет в своих воспоминаниях о страшной трагедии, которую пережили молодые балтийцы, сразу же попавшие на немецкий фронт. Для автора воспоминаний было спасением то, что по состоянию здоровья он оказался в хозяйственной части, а не участвовал в боевых действиях [7, с. 42].

За верность Российской короне выступало, прежде всего, знание так называемого «балтийского вопроса» [1, с. 35], точнее сказать, сохранение привилегий немецкого дворянства на территории остзейских провинций России. Эти привилегии балтийские немцы боялись потерять в случае присоединения к Германии и установления новой власти.

Преданность балтийских немцев русскому царю была нарушена сначала в феврале-марте 1917 года, а затем окончательно разрушена из-за отречения от престола Николая II 15 марта. Оказалось, что служить стало некому. Повзрослевшие подростки замечают признаки общего распада: разграбив пивоварню, солдаты напились и утонули в пиве [4, с. 42]. Прекратились домашние обсуждения возможного развития событий. Напротив, беспомощность отдельно взятого человека выражается в его погружении в размышления, а именно, Александр видит плачущую мать, отказывающуюся разговаривать о чём бы то ни было [4, с. 42], и отца, молча меряющего шагами небольшое пространство между окном и письменным столом (там же). Испуганные балтийские немцы оказались запертыми в домашнем пространстве, лишённые привычных обязанностей и прав.

Приход к власти временного правительства принёс балтийским немцам неожиданное улучшение в их общественном положении: снова стали издаваться газеты на немецком языке, вновь можно было разговаривать на немецком языке на улицах, была образована «Демократическая партия русских граждан немецкой национальности», с которой балтийские немцы связывали слабые надежды на представительство в новом правительстве [4, с. 48]. Гертурд Адольфи открыто пишет о своих сомнениях в успехе новой демократической партии на выборах в парламент, которые были назначены на день взятия Риги немецкими войсками [5, с. 48]. Конечно, выборы не состоялись. Георг фон Раух комментирует приход временного правительства к власти как отрезвление для всех балтийских немцев, т.к. это правительство настаивало на продолжении войны с Германией, а балтийские немцы не хотели больше воевать на стороне России, не связанные ни присягой царю, ни присягой какому-либо иному государству [8, с. 594]. Впервые в Риге появляется реальность латышского языка: на уличных табличках пишутся

названия на русском, немецком и латышском языке. И огромное количество дезертировавших солдат, картин полного разгула уличной анархии. Чем ближе подходили немецкие войска, тем больше балтийские немцы видели в них своих освободителей [там же, с. 592]. Немецкие войска занимали территорию Балтии в первой мировой войне с 1915 по 1918 год. В Риге они были осенью 1917, в Латгалии в феврале 1918 года.

1 сентября 1917 началась трёхдневная битва за Ригу, во время которой были взорваны оба железных моста и сожжены все мосты через Даугаву. Не смотря на начавшиеся пожары и в самом городе, о чём подробно пишет Гертруд Адольфи [5, с. 49], германская армия, обойдя болота вокруг города, вошла 3 сентября в Ригу. По сравнению с измученными, серыми от усталости русскими солдатами, солдаты немецкой армии выглядели молодыми, бодрыми и красивыми как боги. Гертруд Адольфи сама упоминает проповедь в храме святого Петра, в которой священник подготовил немецкую паству, зачитав подходящий по смыслу псалом. По её словам все жители тогдашнего Агенскалнса, места концентрированного проживания балтийских немцев в Риге, приветствовали друг друга как в большой религиозный праздник. 6 сентября в Ригу приехал кайзер Вильгельм II. На том же месте, где всего несколько лет назад проходили парады российской армии, прошёл и победный парад армии немецкой. И снова, возвращаясь к автобиографии Штенбока-Фермора, повествователь подчёркивает разное отношение балтийских немцев к германской армии: Отец Александра отказался присутствовать на параде, многие балтийские немцы восторженно приветствовали немцев как освободителей, в то время как школьная молодёжь присутствовала на параде из любопытства.

Немецкая оккупация ещё более разделила население Риги: латыши восприняли её с неприязнью, а балтийские немцы с возрастающим восторгом, ожидая окончания поры государственного беспорядка и общей анархии. Для латышей же немецкая кайзеровская власть была не лучше, чем российская царская. Оккупационная власть вновь сменила вывески на улицах, оставив надписи только на немецком языке.

В школе учителя быстро перестроились на новый лад, переняв программы немецких школ, уже тогда прославляющих превосходство германской расы. Вне сомнения, лёгкость этому процессу обеспечил общий язык обучения в немецких школах Риги [6, с. 26].

К 7 ноября 1917 года балтийские немцы считали себя свободными от обязательств перед российским царём и причисляли себя к восточным провинциям Немецкого Рейха. Именно в этот момент национальные элиты Латвии и Эстонии получили возможность задуматься об образовании национальных государств. 9 ноября 1918 года Германия капитулировала.

На основании выше изложенного можно сделать следующие выводы:

- события первой мировой войны нарушили существующий государственный порядок, разрушив сложившиеся межнациональные отношения.
- главным фактором, провоцирующим внутренний протест, явился языковой вопрос, который каждая власть пыталась решать по-своему в свой определённый промежуток времени.
- балтийские немцы оказались между Германией, с которой их связывала общая история, образование, язык, традиции, и Россией, гражданами которой они являлись.
- все названные воспоминания и заметки балтийских немцев свидетельствуют о растерянности, вызванной их двойственным положением.
- для всех воспоминаний характерна роль пассивного наблюдателя за происходящими событиями.
- для латышского народа балтийские немцы и немцы, пришедшие с германскими оккупационными войсками, за время немецкой оккупации превратились в одно целое, которое воспринималось чужим, а потому враждебно.
- вопрос балтийских немцев во время первой мировой войны представляется до сих пор мало изученным.

1. Weiss, Fritz. Die Baltische Frage im Weltkrieg und in der russischen Revolution. – Michelstadt: Baltica Materialien, 1992. – 71с.
2. Angermann, Norbert. Die Deutschen – eine Oberschicht? – In: Mythen der Vergangenheit: Realität und Fiktion in der Geschichte. Hrsg. Otwin Pelc. – Göttingen: Unipress, 2012. – С. 247–263.
3. Garleff, Michael. Deutschbalten, Weimarer Republik und Drittes Reich. Bd. 2. – Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2008. – 455с.
4. Stenbock-Fermor, Alexander. Der rote Graf. Autobiographie. – Berlin: Verlag der Nation, 1973. – 505 с.
5. Deutschbalten im 20. Jahrhundert. Ein Lesebuch. – Lüneburg: Carl-Schirren-Gesellschaft, 2002. – 306 с.
6. Sass v., Vera. Aus meinen Erinnerungen. 1906-1986. – Privatdruck Vera v. Sass, 1999. – 71с.
7. Helmsing, Leonhard. Plaudereien aus dem Leben eines Deutsch-Balten. – Lübeck: LN Druck, 1968. – 68 с.
8. Rauch v., Georg. Aus der baltischen Geschichte. – Hannover-Döhren: Hirschheydt, 1980. – 641с.

КАМПАНИЯ «10-летие ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ» В ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (1924 г.)

А.В. Филимонов

Состоявшийся летом (в июне – июле) 1924 г. V-й Конгресс Коминтерна в связи с приближающимся 10-летием начала Первой мировой войны принял «Манифест», в котором призвал все коммунистические партии мира «устроить «Неделю протеста» против империализма, его соглашателей, против подготовки новой войны». Проведение «Недели» призвано было в очередной раз напомнить человечеству о причинах и итогах «кровавой бойни», ее виновниках, осудить империализм, как главный источник войны, а заодно и «соглашателей», т. е. лидеров II Интернационала, голосовавших за военные кредиты и тем самым поддержавших свои империалистические правительства, и конечно, связать проводимую кампанию с задачами будущей «мировой революции» [1, ф. 109. оп. 1. д. 125. л. 75-а; д. 727. л. 15].

Призыв Коминтерна был воспринят на местах в качестве сигнала к действию, т. е. для проведения различных антивоенных мероприятий. В ряде городов страны они начались, когда Конгресс еще не завершил своей работы, а инструкций ЦК РКП(б), разъясняющих порядок их проведения, пока еще не поступало. Так, инициативу проявили руководящие органы Великих Лук Псковской губернии, по решению которых уже 1 июля 1924 г. в городе состоялся «митинг протеста по поводу 10-летия империалистической войны». Проходил он на площади К. Маркса, куда пришли представители предприятий, учреждений и молодежи, развернув лозунги: «Долой войну! Мы хотим мирно трудиться!». Всего на площади собралось около 5000 чел. Председатель исполкома Стуков, открывший митинг под исполненный оркестром «Интернационал», предоставил первое слово секретарю укома РКП(б) Я. Крастыню. «Десять лет тому назад, - сказал секретарь, - трудящиеся мира не предполагали, что проснувшись на утро, они услышат об объявлении войны, как трагедии всего мира. Они не предполагали, что несет с собою эта губительная война. Они не думали, что она вырвет из жизни 10 млн. чел. населения, не считая громадных цифр раненых и искалеченных на всю жизнь. 10 млн. – это страшная и показательная цифра. Это значит, что если взять 7 таких губерний, как Псковская, и всех до единого жителей уничтожить, то мы получим эту ужасную цифру – 10 млн... На войне уничтожены неисчислимы материальные ценности, для восстановления которых 10 млн. трудящимся потребовалось бы работать ровно 100 лет.

Десять лет прошло со дня начала империалистической войны. Миновала ли еще опасность новых войн? Нет. Капиталисты всех стран вооружаются... Вот почему нужно быть готовым ко всему. Мы должны сказать: «Хранить мир – готовиться к войне! Укреплять Красную Армию! Война – войне!».